

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ДАРТМУТСКИЙ ДИАЛОГ: ПЕРВЫЕ ШАГИ НЕФОРМАЛЬНОЙ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

М.А. Московский

Кафедра новой и новейшей истории
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27/4, Москва, Россия, 119991

В данной статье рассматриваются малоизвестные эпизоды неформального советско-американского Дартмутского диалога в эпоху «холодной войны». Анализируется потенциал данного канала обмена информацией и его роль в Карибском кризисе и подписании Договора о частичном запрете ядерных испытаний от 5 августа 1963 года.

Ключевые слова: СССР, США, неформальная дипломатия, Дартмутский диалог, Карибский кризис.

Проблемы современного мира настолько сложны и многоплановы, что ни одной стране не под силу решать их в одиночку. Единственным способом противостоять глобальным вызовам является совместная работа представителей различных государств. В годы «холодной войны» ситуация была иной: планета была идеологически и политически поделена на два блока, где главную роль играли две «сверхдержавы» — США и СССР. Казалось бы, двум участникам диалога было проще найти общее решение. Однако история показала, что даже перед лицом проблем мирового масштаба США и СССР не всегда могли договориться. Зачастую на пути к договоренности стояла стена недоверия, страхов, подозрений, непонимания. Идеология и пропаганда лишь усугубляли проблему — становилось все сложнее отличать действительные политические инициативы от лозунгов.

Немаловажную роль в преодолении разногласий и непонимания между этими странами в период «холодной войны» сыграла неформальная дипломатия. После подписания договора о культурном сотрудничестве в 1958 г. перед США и СССР открылся пусть и небольшой, но важный канал передачи информации. Ученые, спортсмены, писатели и деятели культуры смогли обмениваться мнениями по различным вопросам, которые влияли и на отношения двух государств. Одним из ярких примеров неформальной советско-американской дипломатии в период «холодной войны» был Дартмутский процесс.

В отечественной науке изучение неформальных советско-американских контактов, и Дартмутского диалога в частности, игравших важную, хотя может быть и незаметную роль в ключевых событиях советско-американских отношений, представлено в незначительной степени. Данная статья посвящена первым трем Дартмутским конференциям, проходившим в 1960—1962 гг. Нам они представляются важными, по меньшей мере, с двух точек зрения. Во-первых, это были действительно первые неформальные контакты, когда стороны начали «присматриваться» друг к другу. Во-вторых, наиболее значимая из них — третья встреча — совпала по времени с чрезвычайно важными международными событиями — Карибским кризисом, и впоследствии сыграла роль в подписании Московского договора о запрете ядерных испытаний в трех сферах.

Необходимость лучше понимать образ мыслей советского руководства давно осознавалась американскими политиками. В своей речи перед выпускниками одного из университетов США 12 июня 1959 г. Д. Эйзенхауэр сказал: «Мир сегодня не только тесен, но и очень сложен... Мы не должны избегать друг друга. Мы обязаны понимать другие народы» [3. С. 211]. Тогда же у президента Д. Эйзенхауэра и известного американского общественного деятеля Нормана Казинса родилась идея неформального экспертного советско-американского диалога, который позволил бы поддерживать контакты между двумя странами даже в период сильного «похолодания» официальных отношений [27. С. 1]. Аналогичные суждения высказывались и руководством Советского Союза. Так, на XX съезде КПСС в 1956 г. Анастас Микоян говорил о том, что «в СССР необходима всеобъемлющая оценка и глубокое изучение мира, так как страна серьезно отстает в анализе как капиталистического, так и некапиталистического развития» [37. С. 70]. Одной из причин такого отставания была скудость не только фактической информации о других странах, в том числе о Западе, но и предрассудки, непонимание и отсутствие каких-либо недипломатических контактов.

Дартмутский диалог (как он был позднее назван) ни в коем случае не задумывался как замена официальных отношений между США и СССР. Это очевидно даже ввиду отсутствия каких-либо полномочий у «неофициальных дипломатов». Неформальный диалог должен был, по выражению ветерана Дартмутских встреч Филипа Стюарта, находиться на пересечении официальной дипломатии и общественного мнения [32. С. 5] и служить в качестве важной связки «общественное мнение — неформальная дипломатия — официальная дипломатия». Таким образом, диалог задумывался как инструмент, способствующий более успешной работе дипломатов на официальном уровне.

Впервые предложение созвать неофициальную встречу наиболее известных и влиятельных общественных деятелей США и СССР Норман Казинс озвучил во время своего выступления перед президиумом советского Комитета в защиту мира — формально неправительственной организации. Предложение было с одобрением встречено советской стороной [6. Л. 16], но понадобилось еще восемнадцать месяцев, прежде чем в университетском городке Дартмутского колледжа состоялась встреча, положившая начало советско-американскому неформальному диалогу.

Первые Дартмутские коференции проходили вдали от оживленных мест — в студенческом городке Дартмутского колледжа (США) в ноябре 1960 г.; в Крыму, в Нижней Ореанде, в мае 1961 г.; в Андовере, штат Массачусеттс, в конце октября 1962 г. Советская делегация на первых встречах включала общественных деятелей, которые были близки к политическим кругам. Возглавлял ее Александр Корнейчук, являвшийся не только популярным среди партийной элиты писателем, но и личным другом Н.С. Хрущева, членом Верховного совета СССР и Украины. Также среди советских участников был Виктор Чхиквадзе, директор Института государства и права АН СССР; Модест Рубинштейн, один из ведущих советских экономистов, сотрудник ИМЭМО АН СССР. Кроме того, в состав советской делегации входили знаменитые ученые, писатели и деятели культуры: композитор Вано Мурадели, писатель и редактор журнала «Юность» Борис Полевой, режиссер Сергей Юткевич.

Не менее представительными были и американские делегации. Среди участников — Уильям Бентон, бизнесмен и бывший сенатор; Норман Казинс, редактор популярного в США журнала *Saturday Review*, один из основателей «самой большой и самой влиятельной организации в США по ядерному разоружению» — SANE [26. С. ix]; Джордж Кеннан, дипломат и автор концепции «сдерживания коммунизма»; Ричард Легхорн, юрист, работавший на правительство США и на НАСА [12. С. 1—11] и другие.

Повестки первых трех конференций, хотя и различались по формулировкам, но в целом содержали одни и те же ключевые вопросы двусторонних отношений. Среди обсуждавшихся тем были такие, как роль США и СССР в экономическом развитии стран «третьего мира»; научные и культурные обмены между двумя государствами; контроль над вооружениями; роль граждан во внешней политике своих стран и прочее [10]. Несмотря на то, что среди участников по понятным причинам было множество разногласий, практически по всем вопросам они находили позиции, приемлемые для обеих сторон [34]. Многие проблемы не просто признавались актуальными обеими сторонами, участники конференции также предлагали и обсуждали возможные решения этих проблем.

На всех первых встречах горячо обсуждался вопрос разоружения. Следует сказать, что параллельно шел так называемый Женевский процесс — официальные встречи экспертов в области ядерного оружия и разоружения, одной из целей которого была выработка условий договора о запрещении испытаний ядерного оружия. С 1962 г. этот процесс проходил в рамках Комитета 18 стран — одного из органов ООН. Женевские переговоры, по признанию некоторых участников, отличались «банальным отсутствием доверия», что рушило все попытки договориться [36. С. 25]. Они часто прерывались на длительные сроки. Однако, несмотря на то, что попытки найти решение наиболее острых проблем, связанных с ядерным оружием, велись к тому времени уже на протяжении примерно пяти лет, никакого прогресса на переговорах практически не наблюдалось [4. С. 392]. Одним из главных препятствий на пути к достижению договоренности был вопрос об инспекциях, фиксирующих подземные испытания ядерного оружия. Советский Союз категорически на них не соглашался.

Вполне естественно, что данный вопрос возник и на Дартмутских встречах. Советские участники противились идее инспекций, называя их вмешательством во внутренние дела государства [35. С. 2]. Однако в итоге диалога обе стороны пришли к важному выводу: сутью проблемы инспекций являлся не юридический аспект (вмешательство в дела суверенного государства), а вопрос доверия. В СССР существовали острые опасения, что инспекции могут быть прикрытием для шпионажа. Поэтому участники Дартмутских встреч сделали логическое заключение: контроль и инспекции необходимы, но вводить их нужно постепенно, соответственно росту доверия между странами [35. С. 2].

Безусловно, участникам первых встреч было сложно выработать решения проблем, над которыми официальная дипломатия работала не один год, но у них и не было такой задачи. Более важен тот факт, что не лишенный пропаганды, но все же более объективный диалог, чем простой обмен заученными лозунгами, позволил за две первые встречи построить между участниками доверительные отношения. Более того, Дартмутские встречи нашли поддержку в высшем руководстве обеих стран, что стало особенно очевидно на третьей Дартмутской встрече, проходившей в Андовере, штат Массачусеттс, 21-го — 27-го октября 1962 г. Главным отличительным свойством, придавшим этой встрече особенное напряжение и драматизм, был Карибский кризис, разразившийся буквально в те же дни.

На следующий день после открытия третьей Дартмутской конференции, 22 октября, участники оказались перед экраном телевизора. Президент Дж. Кеннеди говорил о том, что Советский Союз разместил на Кубе ядерные ракеты, способные достичь США за считанные минуты, и заявлял о начале блокады острова [13. С. 14]. Естественно, у участников встречи сразу же встал вопрос о целесообразности ее продолжения. После того, как обе стороны выразили на это согласие и советская делегация получила одобрение от советского посольства в США, диалог продолжился [30. С. 15]. Именно эта встреча, проходившая, пожалуй, в наиболее опасный момент XX века, продемонстрировала значительный практический потенциал Дартмутских встреч.

Уже на следующий день после выступления президента по телевидению совет американского Комитета за разумную ядерную политику SANE, членом которого был и Н. Казинс, направил письмо в администрацию США с предложением рассмотреть возможность «обмена» американских ракет в Турции на советские ракеты на Кубе [26. С. 80]. В этот же день министр юстиции Роберт Кеннеди встретился с Георгием Большаковым, выполнявшим роль неофициального посредника между Кремлем и Белым домом, сказав ему, что ради урегулирования кризиса политическим путем США готовы убрать свои ракеты из Турции, если СССР демонтирует свои ракеты на Кубе [7. С. 372]. Это предложение, одним из источников которого был SANE, позднее сыграет важную роль в разрешении Карибского кризиса.

Однако на тот момент Н.С. Хрущев еще был уверен, что ракеты на Кубе сохранить удастся, поэтому он предлагал свой вариант решения вопроса. 24 октября в Москве он встретился с американским бизнесменом Уильямом Э. Ноксом, пре-

зидентом компании «Вестингауз». У. Нокс не был особенно близок к политике, однако «Хрущев искал какого-нибудь влиятельного американца, чтобы передать свое сообщение» [7. С. 381]. Суть его сообщения заключалась в том, что ему и Кеннеди было необходимо встретиться лично. Интересно, что советские участники Дартмутской конференции настаивали именно на таком решении кризиса — на встрече в верхах [42. С. 51]. Созвучность предложений советской стороны на Дартмутской конференции официальной позиции Москвы не является совпадением. Юрий Жуков, зарубежный редактор газеты «Правда», присутствовавший на конференции, все те дни был на связи с Москвой и докладывал о происходящем на встрече [33].

Однако американские участники Дартмутской встречи не поддержали предложение советской делегации о встрече в верхах (очевидно, от нее отказались и в Белом доме). Также 24 октября, в среду, американская делегация предложила свой вариант выхода из кризиса, который содержал два основных положения: во-первых, предлагалось объявить десятидневный мораторий на приказы Дж. Кеннеди о перехвате советских судов и на плавание советских военных судов в районе Кубы; во-вторых, предлагалось оперативное назначение Генеральной Ассамблеей ООН комиссии, которая расследовала бы все факты — военные, юридические и политические — и которая бы сделала рекомендации по быстрому и эффективному разрешению ситуации [28].

Интересно, что эти предложения практически полностью совпадали с предложениями по урегулированию кризиса У Тана, генерального секретаря ООН, которые он озвучил в обращении к Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущеву также в среду 24 октября. В них также содержалось предложение прекратить какие-либо военные поставки советскими кораблями на Кубу и приостановить карантинные меры США. Ввести эти меры предлагалось на 2—3 недели, чтобы участники конфликта с привлечением нейтральных сторон могли найти выход из сложившейся ситуации [40. С. 740]. Оба документа были написаны независимо друг от друга. Обращение У Тана было озвучено уже во второй половине дня, через несколько часов после введения блокады острова [9. С. 266], поэтому очевидно, что американская дартмутская делегация не могла быть заранее с ним ознакомлена. Эти предложения в принципе не стали основой разрешения кризиса, однако были важным звеном в цепи поиска выхода из ситуации.

В тот же день, когда У Тан обратился к советскому и американскому лидерам, а американская делегация на Дартмутской встрече сделала свои предложения, к диалогу в Андовере присоединился представитель Ватикана, отец Феликс Морлион (Отец Феликс Морлион, президент Международного университета социальных исследований в Риме, ведущий доминиканский богослов, пытался наладить неофициальный диалог с советским руководством для того, чтобы попробовать повлиять на освобождение некоторых священников из советских тюрем. В своих мемуарах Н. Казинс пишет об освобождении нескольких высокопоставленных священников, амнистированных в СССР в результате его встреч с Н.С. Хрущевым. — М.М.). Технически он не мог принять участия в дискуссиях, так как встречи были

сугубо двусторонние, но Н. Казинс, его давний друг, позволил ему выступить на одном из пленарных заседаний.

Оказавшись на советско-американской встрече в такой непростой момент, отец Морлион спросил участников встречи, будет ли им и их руководству интересно мнение Папы Римского относительно сложившейся вокруг Кубы ситуации. Участники ответили положительно, после чего отец Морлион позвонил в Ватикан. После разговора с Папой Римским отец Морлион сообщил, что обращение Папы к лидерам США и СССР содержало следующие положения: отзыв всех идущих на Кубу советских военных кораблей и снятие блокады острова. Кроме того, Папа призвал советских и американских лидеров к моральной ответственности, заявив, что Карибский кризис — это не вопрос отношений США и СССР, но вопрос всей планеты.

Обе делегации донесли предложения Папы Римского до своих правительств. Норман Казинс лично говорил с Теодором Соренсеном, специальным советником и спичрайтером Дж. Кеннеди. Т. Соренсен перезвонил ему после разговора с президентом и сказал, что президент приветствует и ценит предложения Папы, но они не решают главной проблемы — уже размещенных на Кубе советских ракет. Соренсен попросил Казинса передать через отца Морлиона пожелание президента в публичном заявлении Папы не упоминать его предложений о снятии блокады [33].

Чуть позже в этот же день один из советских участников (в своих мемуарах Н. Казинс не называет его имени, вероятно, это был Ю.А. Жуков) связался с Москвой и после разговора сообщил американским делегатам, что предложения Папы полностью приемлемы для Н.С. Хрущева и он готов пойти на урегулирование кризиса по предложенному Папой сценарию [30. С. 22]. Но это уже не имело значения, так как Дж. Кеннеди отверг этот сценарий. На следующий день обращение Папы было размещено на первых полосах всех газет мира, в том числе в СССР. Какие-либо предложения по урегулированию сложившегося кризиса, кроме призыва к моральной ответственности, в нем отсутствовали. Причиной тому, очевидно, была просьба президента США.

Тем временем в эти дни, 24—25 октября, исхода кризиса не предвиделось. Все озвученные к этому моменту предложения не устраивали либо Москву, либо Вашингтон. Камнем преткновения на пути к соглашению были советские ракеты, которые США категорически отказывались терпеть у своих границ. 25 октября в Москву пришло сообщение, полученное через Георгия Большакова, о том, что США готовы рассмотреть вопрос «обмена» ракетами. По непонятным причинам оно пришло с двухдневной задержкой [7. С. 375]. Тем не менее эта информация позволяла советской стороне выйти из кризиса, «сохранив лицо». К тому же этот вариант представлялся наиболее реалистичным, потому что советское руководство к тому моменту осознало, что сохранить ракеты на Кубе и при этом избежать войны уже не удастся [7. С. 388]. Однако окончательного решения Хрущев еще не принял.

На следующий день, 26 октября, в Андовере на Дармутской конференции Ю.А. Жуков спросил Н. Казинса, не будет ли Дж. Кеннеди «хвалиться» своей по-

бедой и не примет ли он поэтому более агрессивный курс по отношению к СССР, если Н.С. Хрущев отдаст приказ ликвидировать базы на Кубе [33]. Можно с уверенностью предположить, что этот вопрос был зондированием почвы под принятие решения о демонтаже кубинских ракет. Казинс не мог, конечно, ответить за Кеннеди, но от себя сказал, что президент не предпримет никаких унижительных для СССР действий. Эту информацию Ю.А. Жуков, находящийся на связи с Москвой, не мог не передать руководству. В этот же день в своем письме Кеннеди Хрущев выразил готовность убрать ракеты с Кубы [20]. Нельзя однозначно сказать, что между ответом Н. Казинса и письмом Н.С. Хрущева есть прямая связь, однако следует считать, что это был один из факторов, который привел Хрущева именно к такому решению.

Здесь снова прослеживается факт непонимания и страхов одной стороны перед другой. Вопрос Ю.А. Жукова, очевидно «подсказанный» Москвой, касался не условий сделки, а реакции на эту сделку. Страх того, что другая сторона неверно поймет или неверно отреагирует на те или иные действия правительства, непонимание этих действий, был причиной срыва множества разумных инициатив в советско-американских отношениях в период «холодной войны». Именно в таких ситуациях — наиболее острых и важных — «сохранение негласных контактов между противоборствующими сторонами» или неформальная дипломатия вообще «имеет большую ценность» [2. С. 85].

С согласием Н.С. Хрущева было преодолено главное препятствие на пути урегулирования Карибского кризиса. Кроме неофициальной ежедневной переписки Н.С. Хрущева и Дж. Кеннеди было множество различных попыток повлиять на это урегулирование: предложения участников третьей Дартмутской встречи, обращение генерального секретаря ООН У Тана, попытки Папы Римского повлиять на ситуацию, а также личные письма влиятельных частных лиц главам США и СССР — например, Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди в эти дни получили по несколько писем от известного ученого, математика, одного из основателей Пагуошского движения Бертрана Рассела.

Вряд ли какие-либо из этих предложений или рекомендаций оказали самое непосредственное влияние на известный исход Карибского кризиса. По свидетельствам его участников, «Хрущев и все советское руководство находились в состоянии полного замешательства и растерянности» [2. С. 75]. Похожая ситуация имела место и в Белом Доме, где военные оказывали очень сильное давление на президента, который тем не менее старался сделать все для предотвращения военного столкновения [8. С. 519]. В этих условиях лидеры США и СССР должны были принимать решения крайне оперативно и при этом продуманно и точно; они не могли позволить себе много времени на размышления, поэтому наиболее конструктивные и разумные предложения, приходящие из разных источников, ими воспринимались, корректировались и применялись в действии.

Эти сюжеты в истории Карибского кризиса, к сожалению, практически не известны, так как большинство исследователей этого события сосредотачивают свое внимание на переписке Кеннеди и Хрущева в момент кризиса, на неформальных встречах официальных лиц обеих держав, т.е. на официальном уровне урегулиро-

вания кризисной ситуации (А.А. Фурсенко и Т. Нафтали в своем исследовании «Адская игра. Секретная история Карибского кризиса» приводят примеры неформального обмена информацией через самые разные каналы. Большинство этих каналов при этом принадлежали государственным органам — ЦРУ, ГРУ, КГБ и т.д.). Однако третья Дартмутская конференция продемонстрировала, что неформальная дипломатия имеет значительный потенциал. Конечно, роль Дартмутского диалога в разрешении Карибского кризиса вовсе не оказалась решающей, но она была заметной. Для нас важен тот факт, что участники Дартмутской встречи в такой непростой момент вообще решили продолжать диалог, получив санкцию от своего руководства. Предложения, донесенные до руководства США и СССР через дартмутский «канал связи», даже оказались приемлемыми для советской стороны.

На третьей Дартмутской встрече отец Морлион поинтересовался у советских участников, не будет ли их руководство против того, чтобы Н. Казинс выступил неофициальным посредником между Ватиканом и Москвой для восстановления между ними когда-то разорванных связей. Через несколько дней Н. Казинс получил звонок от Анатолия Добрынина, советского посла в США, который уведомил его, что предложение отца Морлиона принято и что Н.С. Хрущев готов встретиться с Н. Казинсом 14 декабря 1962 г. [30. С. 23].

Таким образом Н. Казинс благодаря участию в Дартмутских встречах стал неофициальным посредником между Москвой, Ватиканом и Вашингтоном. Эта миссия, в интересах двух сторон хранившаяся в секрете [31. С. 26], продолжалась недолго, но оказала определенное влияние на подписание первого в истории договора о ядерных вооружениях. Кроме того, важно отметить, что в СССР Н. Казинс имел репутацию «антисоветчика», так как в своих статьях он часто осуждал социально-политическое устройство Советского Союза, и, таким образом, он не был желанным гостем. Но за короткое время общения с Казинсом советские участники Дартмутских встреч прониклись к нему доверием, увидели, что его мнение имеет определенный вес в политических кругах США, и рекомендовали его как человека, с которым Н.С. Хрущев мог бы вести эффективный диалог.

Н. Казинс должен был лететь в Москву как эмиссар Ватикана и обсуждать с Н.С. Хрущевым религиозную обстановку в СССР, вопрос о религиозных гонениях, доступности религиозной литературы и так далее. Но Н. Казинс, как и Дж. Кеннеди (который был информирован о планах Н. Казинса), понимал, что речь пойдет об отношениях США и СССР. Предвидя это, Дж. Кеннеди решил передать послание Н.С. Хрущеву.

Накануне своего отъезда в Ватикан, а затем в Москву, в начале декабря 1962 г., Н. Казинс встретился с президентом США. Президент сказал, что на тот момент наиболее возможным шагом в отношениях с СССР являлся договор о запрете испытаний ядерного оружия. Не дав конкретных указаний Н. Казинсу, Дж. Кеннеди лишь попросил дать понять Н.С. Хрущеву, что он очень расположен искать пути сотрудничества с СССР [30. С. 24]. Весной 1963 г. вопрос наблюдения за подземными взрывами из-за рубежа был темой активной переписки лидеров США и СССР. Советская сторона утверждала, что современные технологии вполне мог-

ли отличить сейсмическую активность от подземных ядерных взрывов, тогда как США сомневались в таких возможностях современного сейсмического оборудования [39]. Таким образом, вопрос инспекций оставался самым острым в подготовке договора.

Н. Казинс прибыл в Москву 12 декабря за два дня до встречи с Н.С. Хрущевым. В аэропорте его встретили двое коллег по Дартмутской конференции — Юрий Жуков и Григорий Шумейко. В разговоре с Н. Казинсом Ю.А. Жуков сказал, что советская сторона не будет возражать против двух-трех инспекций, если получит гарантии того, что эти инспекции не будут использоваться с целью шпионажа. Эта новость была действительно позитивной, потому что с ноября 1961 года советская сторона категорически отказывалась от идеи инспекций [11. С. 896]. Столь категоричный тон можно объяснить лишь тем, что Ю.А. Жуков был в курсе официальной позиции СССР и пытался донести ее до Н. Казинса и, таким образом, до американского руководства.

На встрече с Н. Казинсом Н.С. Хрущев выразил понимание того, что Дж. Кеннеди искренне хочет заключения договора о запрете ядерных испытаний. Он также сказал, что этот договор — первая «вещь», которую они с Дж. Кеннеди должны сделать. Важным моментом в этом разговоре было то, что Н.С. Хрущев подтвердил слова дартмутского коллеги Казинса Юрия Жукова о том, что Советский Союз готов пойти на определенное количество инспекций [30. С. 54]. Вопрос о количестве инспекций Хрущевым и Казинсом на тот момент не обсуждался. Однако, как мы можем видеть, через Жукова Казинс получил информацию о том, что Советский Союз был готов пойти не более чем на три инспекции в год.

Таким образом, итогом разговора, касавшегося отношений США и СССР, стало подтверждение, что и советский лидер решительно настроен искать компромисс в решении ядерного вопроса. Через несколько дней после встречи Н. Казинса с советским лидером, 19 декабря, из Москвы в Вашингтон пришло письмо, в котором Н.С. Хрущев выразил согласие на инспекции на местах [17]. В этом письме речь шла о согласии на 2—3 инспекции в год. Это количество было взято, как полагал Н.С. Хрущев, из разговора заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова и главы американской делегации на переговорах по разоружению в Женеве Артуром Дином [17]. Вопрос о количестве инспекций сразу же стал объектом новой дискуссии в советско-американских отношениях, но тот факт, что принципиальное согласие на инспекции было дано, уже сдвигал переговоры с мертвой точки.

Было бы неверно искать прямую связь между поездкой Н. Казинса в Москву и согласием Н.С. Хрущева на инспекции, тем более что это решение созрело, как мы можем видеть из разговора Н. Казинса и Ю. Жукова, еще до прилета Казинса в Москву. Тем не менее официальное согласие советский лидер дал именно после личной встречи с неофициальным представителем Дж. Кеннеди, убедившись, судя по всему, в серьезности намерений американской стороны.

По возвращении в США Н. Казинс написал краткую заметку президенту, в которой сообщал об итогах разговорах с Хрущевым [23]. В этот же день Кеннеди

отправил сообщение Хрущеву, благодаря его за согласие на инспекции и объясняя, что трех инспекций для договора будет недостаточно [25]. Этим письмом было положено начало длительной полемике о количестве инспекций на местах.

Официальная позиция США состояла в том, что для заключения договора СССР должен был согласиться минимум на восемь инспекций, тогда как Н.С. Хрущев был согласен не больше, чем на три. Кроме того, Н.С. Хрущев был дезинформирован о согласии США на три инспекции. Кроме В.В. Кузнецова такая же информация о согласии США на три инспекции поступила к Хрущеву от дартмутских участников академика Е.К. Федорова и Ю.Н. Жукова, разговаривавших после третьей Дартмутской встречи с Джеромом Уилнером, специальным помощником президента Кеннеди по науке и технике [16].

В апреле 1963 г. Н. Казинс снова готовился к поездке в СССР на встречу с советским лидером. Одной из его задач было донести послание Дж. Кеннеди до Н.С. Хрущева. В середине марта 1963 г. между Казинсом и Кеннеди произошел обмен письмами, в которых Казинс спрашивал, что бы он мог передать от президента советскому лидеру. В своем письме Кеннеди попросил лишь сообщить Н.С. Хрущеву, что данная администрация США стремится к мирным отношениям с СССР [24].

В официальной переписке Хрущева и Кеннеди в те месяцы звучало множество подозрений и обвинений вместе с заверениями в искреннем желании прийти к соглашению. Было очевидно, что недоверие советской стороны к инспекциям и желание американской стороны строить договоренность на основе надежных гарантий встречали на противоположной стороне непонимание и подозрение. Встреча Казинса с Хрущевым была еще одной попыткой эти подозрения и непонимания развеять. В своем разговоре с бывшим послом в СССР Ллевелином Томсоном А.Ф. Добрынин, советский посол в США, сказал, что готовность советского лидера встретиться с Н. Казинсом отражает его желание лучше понять американский образ мысли в том числе в вопросах по разоружению [15].

За день до отлета Н. Казинс получил звонок от президента. Глава США попросил его лично заверить Н.С. Хрущева, что в вопросе о трех инспекциях вышло недопонимание, что американская сторона просит прощения за неудобную ситуацию и просит начать диалог с чистого листа [30. С. 80]. Во время встречи Н. Казинса и Н.С. Хрущева на даче последнего в Пицунде советский лидер был непреклонен: он отказывался разговаривать более чем о трех инспекциях. Непреклонность Н.С. Хрущева объяснялась скорее не его личной позицией, а ситуацией в советском правительстве. Н.С. Хрущеву, по его словам, много стоило уговорить советское руководство согласиться на три инспекции. Теперь же он оказался, по его словам, «в дураках» и ни в каком случае больше не будет обращаться к Совету министров для обсуждения большего количества инспекций. В итоге, переговоры закончились ничем. Н.С. Хрущев отказался соглашаться более чем на три инспекции и, кроме того, был склонен отказаться от них вообще, так как, по его словам, советские ученые доказали, что наблюдать за подземными взрывами и отличать их от землетрясений современная техника позволяет и из-за рубежа. В це-

лом же он сказал, что он смог уговорить руководство СССР на три инспекции, теперь шаг за Соединенными Штатами — принять или не принять такое положение дел [29. С. 58].

Аргументы советского лидера повторялись и в его переписке с Кеннеди. В одном из своих писем еще осенью 1962 г. Хрущев ссылается на предложения ученых, участвовавших в сентябре 1962г. в очередной Пагуошской встрече в Лондоне. Во время этой встречи была предложена установка на территориях ядерных государств автоматических сейсмических станций, которые, якобы, могли бы наблюдать за подземными точками. Этих станций, не требующих персонала, по мнению Хрущева, было вполне достаточно для контроля над соблюдением договора [21]. США не разделяли этого взгляда; и если они соглашались с тем, что автоматические станции могут фиксировать подземные точки, то определять природу этих толчков без персонала на местах они не могут.

В итоге, Советское руководство не только не стало соглашаться более чем на три инспекции, но и снова отказалось от них в принципе, чем и грозил советский лидер Казинсу в Пицунде. Об этом Н.С. Хрущев уведомил Дж. Кеннеди в своем письме от 8 мая 1963 г. [19]. По возвращении в США, 22 апреля, Н. Казинс встретился с Дж. Кеннеди, чтобы отчитаться о беседе с Н.С. Хрущевым. Главной мыслью, которую он хотел донести до главы США, было то, что сейчас необходим совершенно новый подход к советскому народу, необходимо призывать к окончанию «холодной войны» и дать новый старт советско-американским отношениям [42. С. 64]. Таким стартом вскоре послужила речь Джона Кеннеди, произнесенная им в Американском университете в Вашингтоне 10 июня 1963 г. Сама идея этой речи и часть ее текста принадлежали Норману Казинсу [14. С. 212].

В своей речи Дж. Кеннеди призывал американцев пересмотреть свое отношение к СССР: мир во всем мире не требует любить соседа, но требует, чтобы с соседом жили вместе, проявляя терпимость [5. С. 3]. Он говорил о предстоящих переговорах в Москве о заключении договора о запрете ядерных испытаний, назначенных на июль. При этом речь шла о полном запрете испытаний — т.е. несмотря на отказ Хрущева от инспекций на местах, в США еще надеялись, что советская сторона согласится на определенное их количество.

А.А. Громько, министр иностранных дел СССР, так отозвался о речи президента в своих мемуарах: «Для многих было почти непостижимо то, что Кеннеди в своей речи, произнесенной 10 июня 1963 года в Американском университете, обратился непосредственно к народу, желая получить его поддержку для оказания сдерживающего воздействия на военно-промышленный комплекс США. Не только в США, но и за рубежом общественное мнение расценило речь президента как смелый шаг и своеобразный вызов этому военно-промышленному чудовищу» [1. С. 399]. Таким образом, в СССР действительно высоко оценили эту речь: впервые за многие годы советская пресса опубликовала полный текст речи президента США [2. С. 90].

За два дня до выступления Кеннеди Хрущев уведомил американского президента, что согласен на его предложение о том, чтобы начать активную, финальную

фазу подготовки договора. Для этого в июне в Москву должны были приехать представители США и Великобритании [18]. Таким образом, переговорный процесс выходил за рамки ООН и начинался уже непосредственно на межгосударственном уровне. Н.С. Хрущев в своем письме дал «зеленый свет» переговорам, а Дж. Кеннеди в своей речи создал атмосферу, в которой эти переговоры должны были проходить.

Еще в апреле 1963 г. США и Англия предоставили в Женевский Комитет по разоружению два варианта договора о запрете испытаний. Первый предусматривал полный запрет ядерных испытаний с некоторым (необозначенным) количеством инспекций, а второй позволял подземные взрывы и не требовал инспекций. Советское руководство не хотело принимать ни один из вариантов договора и настаивало на смешанном, наиболее радикальном варианте: запрет всех испытаний и без инспекций.

В итоге, «тщательно взвесив сложившееся положение», 2 июля 1963 г. советское правительство заявило о своем согласии заключить соглашение о прекращении испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой без каких либо инспекций [4. С. 392]. 5 августа 1963 г. в Москве был подписан первый в истории договор, ограничивавший ядерные испытания в атмосфере, под водой и в космосе. Однако, так как договор был подписан в большей мере на советских условиях и не подразумевал инспекций на местах — столь важного для американской стороны момента, его ратификация в Сенате США была под вопросом. По словам Теодора Соренсена, специального советника и спичрайтера Джона Кеннеди, обсуждение договора в Сенате было «самыми большими сенатскими баталиями по вопросам внешней политики» со времен Лиги Наций [38. С. 734].

Немаловажную роль в подготовке общественного мнения в пользу ратификации договора американским Сенатом сыграл Норман Казинс и его дартмутские коллеги. После одного разговора с Пьером Сэлинджером, пресс-секретарем Кеннеди, и с одобрения самого Кеннеди Казинс создал гражданскую группу в поддержку договора о запрете ядерных испытаний [22]. После активной кампании в прессе и выступлений множества специалистов, в том числе Н. Казинса, на слушаниях в Комитете Сената по иностранным делам [41] договор был ратифицирован Сенатом. За роль, сыгранную Н. Казинсом в его подготовке, Дж. Кеннеди вручил ему одну из оригинальных копий документа [26. С. 84]. Вряд ли этот документ передавался Казинсу как гражданскому лицу. Скорее всего экземпляр был передан на хранение в Комитет за разумную ядерную политику — SANE.

Таким образом, благодаря участию в Дартмутских встречах Норман Казинс и некоторые его коллеги по этому неформальному диалогу смогли сыграть определенную роль в подготовке, заключении и ратификации договора о запрете ядерных испытаний. Несмотря на то, что формально их деятельность в этой области проходила вне Дартмутского диалога, именно с его помощью у них появилась возможность стать неофициальными посредниками между двумя правительствами.

Определенную роль Дартмутский процесс сыграл и в урегулировании Карибского кризиса, который во многом показал всю опасность ядерного столкновения

между сверхдержавами и, таким образом, привел к заключению Московского договора. Вклад участников третьей Дартмутской встречи, проходившей в те же дни, что и Карибский кризис, не был решающим. Однако этот вклад продемонстрировал потенциал неформального диалога между странами и заполучил доверие и уважение правительств обеих стран. Необычайный накал ситуации и напряженная обстановка тех дней, вероятно, особым образом способствовали тому, чтобы это доверие возникло.

Другим не менее важным результатом первых трех Дартмутских конференций явилось то, что между США и СССР образовался неформальный экспертный диалог, довольно устойчивый и надежный. На протяжении всей «холодной войны» Дартмутские встречи эффективно играли свою роль в советско-американских отношениях. И хотя их задачей никогда не было прямое влияние на официальную дипломатию, эти встречи помогали развивать идеи и доносить их до внешнеполитических ведомств обоих государств, где в дальнейшем они могли осуществляться [13. С. 9].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Громыко А.А. Памятное. — М., 1988.
- [2] Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.). — М., 2008.
- [3] Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр. — М., 1983.
- [4] История внешней политики СССР. Т. 2 / Под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. — М., 1981.
- [5] Речь президента США Джона Кеннеди // «Правда». — 13 июня 1963 г.
- [6] Стенограмма выступления Нормана Казинса в Президиуме СКЗМ 25 июня 1959 года // ГАРФ. — Ф. Р-9539. — Оп. 1. — Д. 643.
- [7] Фурсенко А.А., Нафтали Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса. — М., 1999.
- [8] Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Т. 2. — М., 1999.
- [9] A. Walter Dorn and Robert Pauk. *Unsung Mediator: U Thant and the Cuban Missile Crisis // Diplomatic History.* — Vol. 33. — Issue 2, April 2009.
- [10] Agenda. Dartmouth Conference. October 29 — November 4, 1960. Kettering Foundation Archive, Dayton, Ohio. Box IAC 42 DC I — DC V. File 1.
- [11] Arthur M. Schlesinger, Jr. *A thousand days: John F. Kennedy in the White House.* — Boston: Houghton Mifflin, 1965.
- [12] Biographic notes on American Participants. *Kettering Foundation Archive, Dayton, Ohio.* Box IAC 42 DC I — DC V. File 1.
- [13] David Mathews and Philip Stewart. *Dartmouth Conference. Fifty Years.* — Dayton, Ohio: Kettering Foundation Press, 2010.
- [14] Glenn T. Seaborg, Kennedy, Krushchev, and the Test Ban. — Berkeley: University of California Press, 1981.
- [15] Memorandum from the Ambassador at Large (Thompson) to Secretary of State Rusk. Washington, April 6, 1963. FRUS. Vol. 5. http://www.state.gov/www/about_state/history/vol_v/310_319.html
- [16] Memorandum of Conversation between Secretary of State Rusk and the Editor of the Saturday Review (Cousins). Washington, February 19, 1963. Foreign Relations of the United States. Vol. 5. http://www.state.gov/www/about_state/history/vol_v/290_299.html

- [17] Message from Chairman Khrushchev to President Kennedy. Moscow, December 19, 1962. Foreign Relations of the United States. Vol. 6. http://www.state.gov/www/about_state/history/volume_vi/exchanges.html
- [18] Message from Chairman Khrushchev to President Kennedy. Moscow, June 8, 1963. FRUS. Vol. 6. http://www.state.gov/www/about_state/history/volume_vi/exchanges.html
- [19] Message from Chairman Khrushchev to President Kennedy. Moscow, May 8, 1963. FRUS. Vol. 6. http://www.state.gov/www/about_state/history/volume_vi/exchanges.html
- [20] Message from Chairman Khrushchev to President Kennedy. Moscow, October 27, 1962. http://www.state.gov/www/about_state/history/volume_vi/exchanges.html
- [21] Message from Chairman Khrushchev to President Kennedy. Moscow, September 28, 1962. FRUS. Vol. 6. http://www.state.gov/www/about_state/history/volume_vi/exchanges.html Эта аргументация вновь и вновь повторяется в письмах Н.С. Хрущева в 1963 г.
- [22] Message from John F. Kennedy to Robert W. Dowling. Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files. Folder: 1963: COO-COZ. <http://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKPOF-016-006.aspx> Письмо не датировано.
- [23] Message from Norman Cousins to John F. Kennedy, December 28, 1962. Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files. Folder: 1962: COM-COY. <http://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKPOF-008-004.aspx>
- [24] Message from Norman Cousins to John F. Kennedy. March 13, 1963. Message from John F. Kennedy to Norman Cousins March 15, 1963. Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files. Folder: 1963: COO-COZ. <http://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKPOF-016-006.aspx>
- [25] Message from President Kennedy to Chairman Khrushchev. Washington, December 28, 1962. FRUS. Vol. 6. http://www.state.gov/www/about_state/history/volume_vi/exchanges.html
- [26] *Milton S. Katz*. Ban the Bomb: A History of SANE, 1957—1985. — New York: Greenwood Press, 1986.
- [27] Norman Cousins and Dartmouth. Kettering Foundation Archive, Dayton, Ohio. Box IAC 41 History of Dartmouth. DC. File 5.
- [28] *Norman Cousins*. «First American Draft», October 24, 1963. Электронное сообщение от Джеймса Вурхиса автору от 22.05.2011.
- [29] *Norman Cousins*, Notes on a 1963 Visit with Khrushchev. Saturday Review, November 7, 1964.
- [30] *Norman Cousins*. The Improbable Triumvirate: John F. Kennedy, Pope John, and Nikita Khrushchev. — New York: W.W. Norton, 1972.
- [31] *Norman Cousins*. Proving the experts wrong. Kettering Foundation Archive, Dayton, Ohio. IAC 41 History of Dartmouth. Box 1. File 5.
- [32] *Philip D. Stewart*. Research on Unofficial Diplomacy: the Case of the Dartmouth Conference. January 30, 1985. Kettering Foundation Archive, Dayton, Ohio. Box IAC 41 History of Dartmouth. File 41.2.
- [33] Pierre Salinger memo to John Kennedy. October 30, 1962. Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files. Folder: Salinger, Pierre. <http://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKPOF-065-004.aspx> Пьер Селинджер — пресс-секретарь Джона Кеннеди.
- [34] Rapporteur's notes on discussion of «Role of the US and the USSR in economic development of emerging nations». October 30, 1960. Kettering Foundation Archive, Dayton, Ohio. Box IAC 42 DC I — DC V. File 1.
- [35] Rapporteurs' notes on the discussion of «The problem of controlled disarmament». November 1, 1960. Kettering Foundation Archive, Dayton, Ohio. Box IAC 42 DC I — DC V. File 1
- [36] *Robert A. Divine*. Early Record on Test Moratoriums. Bulletin of the Atomic Scientists, May 1986.
- [37] *Robert D. English*. Russia and the Idea of the West. Gorbachev, Intellectuals and the End of the Cold War. — New York: Columbia University Press, 2000.

- [38] *Theodore C. Sorensen*. Kennedy. — New York, Harper & Row, 1965.
- [39] Treaty Banning Nuclear Weapon Tests in the Atmosphere, in Outer Space and Under Water. <http://www.state.gov/t/isn/4797.htm>
- [40] U Thant to President Kennedy. Department of State Bulletin, Vol.47. 1962.
- [41] U.S. House. Committee on Foreign Relations; Committee on Armed Services; Joint Committee on Atomic Energy. Nuclear Test Ban Treaty. (HRG-1963-FOR-0030; Date: August 1963). Text in: LexisNexis Congressional Hearings Digital Collection; Accessed: October 10, 2011.
- [42] *Voorhees J.* Dialog Sustained: The Multilevel Peace Process and the Dartmouth Conference. — Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press and the Kettering Foundation, 2002.

**THE DARTMOUTH DIALOG:
THE FIRST STEPS OF INFORMAL
SOVIET-AMERICAN DIPLOMACY**

M.A. Moskovsky

Department of Modern and Contemporary History
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky av., 27/4, Moscow, Russia, 119991

The article deals with little known episodes of the informal Soviet-American Dartmouth dialog during the period of the Cold War. The potential of this channel of information exchange and its role in the Cuban missile crisis and in the signing of Limited Test Ban Treaty on August 5, 1963 are analyzed.

Key words: USSR, USA, informal diplomacy, the Dartmouth dialog, the Cuban crisis.